

21. Там же. Д. 438.
22. Там же. Д. 442.
23. Там же. Ф. 153. Оп.36. Д. 1144.
24. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 362.
25. Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 484.
26. Там же. Д. 439.
27. Там же. Д. 455.
28. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.
29. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007.
30. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008.
31. Лавринович М. Революционный характер России [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// old.russ.ru/krug/kniga/20021227_lavr.htm](http://old.russ.ru/krug/kniga/20021227_lavr.htm)
32. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.
33. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.
34. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.
35. Шелохаев В.В. Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.

А.А. Воеводина

Самарский государственный медицинский университет

МЕЩАНСТВО В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

К настоящему времени в отечественной литературе отчетливо сформировалось представление об особом статусе темы мещанства в истории общественно-политической мысли России. Исследователи пишут о мещанстве как «сложившемся культурном стереотипе», обозначают «комплекс антимещанства» и «антимещанский пафос» русской культуры и даже «антимещанский вывих русского ума» [2; 6; 11; 15]. Данный феномен сформировался в России не без влияния западной философии [6] и, кроме того, может быть рассмотрен как «продукт интернациональный» (своего рода «инвариант... антикапиталистической ментальности») [2]. Тем не менее следует признать, что на отечественной почве тема «борьбы с обыва-

тельщиной» приобрела значительное своеобразие, остроту и стала одним из «проклятых вопросов» русского общества.

Не вызывает сомнений у авторов, что у истоков проблемы «антимещанства» в российской мысли стоял А.И. Герцен с его критикой западной цивилизации. Именно он положил начало принципиально новому подходу к толкованию понятия «мещанство», придавая ему «предельно расширительное – до утраты границ его применимости – значение» [2]. Наряду с базовой трактовкой этого термина как сословия отныне появилось ключевое для русского общественного сознания понимание мещанства как особой картины мира и образа жизни.

В последние десятилетия XIX в. тема мещанства занимала как дворян – классиков русской литературы, так и представителей разночинной интеллигенции [2; 15; 17]. Но временем действительной актуализации этой проблемы стало начало XX в. Всплеск интереса к общественным вопросам, среди которых неприятие «обывательщины» пользовалось небывалой доселе популярностью, явился результатом осмысления событий первой российской революции. Одним из наиболее значительных и, пожалуй, самым ярким выступлением в духе «антимещанства» была статья Д. С. Мережковского «Грядущий Хам».

В первой редакции знаменитое эссе Д.С. Мережковского вышло в двух номерах журнала «Полярная звезда», близкого по направлению к партии кадетов. Одна из статей называлась «Мещанство и русская интеллигенция» [14, с. 32–42] и, по-видимому, оказалась в русле основных идей кадетского издания. Пафос этого выступления состоял в предостережении от растущего влияния мещанской культуры на общественную жизнь, а также в постановке проблемы соотношения мещанства и интеллигенции. Вторая часть «Грядущего Хама» вышла под этим заголовком и сопровождалась примечанием редакции журнала о несогласии с «религиозно-политическими выводами» автора [13, с. 185–192]. В этой статье явно преобладала религиозно-мистическая трактовка социокультурных проблем, в частности, общественного сознания и особого пути русской интеллигенции. Вскоре Д.С. Мережковский объединил журнальные тексты обоих выступлений, выпустив «Грядущего Хама» в составе одноименного сборника публицистических произведений в 1906 г. [12].

В представлении мыслителя явления мещанства и хамства неразрывно связаны, поскольку «достигшее своих пределов и воцарившееся мещанство и есть хамство» [12]. И.В. Кондаков считает, что само «грядущее хамство» у автора скандальной статьи «рождается как нечто «третье»

между крайностями социального и духовного рабства» [8]. Действительно, понятие рабства в данном случае стало смысловой доминантой, своеобразным связующим звеном между терминами «мещанство» и «хамство». Уже в начале первой российской революции, Д.С. Мережковский отмечал, что «духовное рабство – в самом источнике всякой свободы», и предупреждал: «Одного бойтесь – рабства и худшего из всех рабств – мещанства и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам» [12]. Именно мысль Д.С. Мережковского о «грядущем мещанине» как «мироправителе тьмы века сего» легла в основу утверждения современных исследователей о том, что символисты возвели мещанство в ранг «мирового зла» [2; 15].

С одной стороны, в творчестве Д.С. Мережковского обличение мещанства обрело принципиально новое звучание, с другой – являлось прямым продолжением направления, заданного А.И. Герценом. Мещанство представало как антипод духовного благородства и свободы, синоним бездуховности, посредственности. Но если автор «Концов и начал» считал мещанство характеристикой западной культуры, пока еще не присущей России [4], то мыслители периода первой российской революции непосредственно обращались к проявлениям этого феномена в русской жизни. Так, Д.С. Мережковский писал о трех «лицах» Грядущего Хама в России: 1) «настоящее, – над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви»; 2) «прошлое, – рядом с нами, лицо православия, воздающего Кесарю Божье»; 3) «будущее, – под нами, лицо хамства, идущего снизу – хулиганства, босячества, черной сотни – самое страшное из всех трех лиц» [12].

По мысли Д.С. Мережковского, «эти три начала духовного мещанства соединились против трех начал духовного благородства: против земли, народа – живой плоти, против церкви – живой души, против интеллигенции – живого духа России» [12]. Лишь религиозное возрождение России могло избавить мир от торжества Хама, считал мыслитель. Он подчеркивал, что судьба русской интеллигенции зависит от того, «поймет ли она, что лишь в грядущем христианстве заключена сила, способная победить мещанство и хамство грядущее? Если поймет, то будет первым исповедником и мучеником нового мира; а если нет, то... последним бойцом старого мира» [12]. Таким образом, автор «Грядущего Хама» вписал в концепцию мещанства ключевую для своих общественно-политических представле-

ний идею – о необходимости осуществления религиозной революции в России путем соединения «религиозного сознания» народа и «революционного действия» интеллигенции [3].

Продолжение герценовской линии в понимании феномена мещанства сближало Д.С. Мережковского с Р. Ивановым-Разумником. Лейт-мотивом его фундаментального исследования стало как раз заострение внимания на оппозиции интеллигенция–мещанство. Вся история русской общественной мысли рассматривалась автором в русле противостояния этих двух сил [7]. Как отмечает М.В. Селеменова, «концепция “внесловности и внеклассовости”, иначе говоря, всеобщности мещанства позволяет Иванову-Разумнику принять идею Герцена о потенциальном мещанстве социализма» [17].

Принципиально иначе ставился вопрос о критике «обывательщины» в социал-демократической печати. В 1905 г. М. Горький в «Заметках о мещанстве» предъявил идеологические обвинения русской интеллигенции, назвав, в частности, творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского «литературой мещан» [5]. Очевидно, что идеи Д.С. Мережковского и Р. Иванова-Разумника во многом прозвучали как полемический ответ на такую трактовку проблемы соотношения мещанства и интеллигенции. М. Горький определил мещанство как «строй души современного представителя командующих классов», и в этом смысле ему противопоставлялась «энергия» социальных низов [5]. Автор «Грядущего Хама», напротив, подчеркивал, что «у голодного пролетария и у сытого мещанина разные экономические выгоды, но метафизика и религия одинаковы – метафизика умеренного здравого смысла, религия умеренной мещанской сытости» [12].

Тем не менее статья Д.С. Мережковского не была направлена прямо против «Заметок о мещанстве», а лишь давала своеобразный идейный противовес социал-демократической интерпретации этой проблемы. В то же время выступление Н.А. Бердяева в «Полярной звезде» было обращено непосредственно против М. Горького и его антиинтеллигентской позиции. «Кто мещане?.. Мещане – Л. Толстой и Достоевский. Мещане – русская интеллигенция. Мещанство – религия, философия, эстетика, да, в сущности, и наука, мещанство – гуманизм, мещанство – заповедь “люби ближнего своего, как самого себя”, мещанство – все индивидуальное и свободное, все культурное и утонченное. Что же не мещанство, что ему противопоставляется? Культ силы, поклонение рабочему народу, как факту, как победоносной стихии, злоба против индивидуального творчества,

отрицание культурных ценностей, взгляд на человеческую личность, как на средство и орудие», – писал Н.А. Бердяев в статье «Революция и культура» [1].

Говоря о мещанстве, Н.А. Бердяев также призывал «восстановить истинное значение слов» [1]. Ему вторил Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Проанализировав «антимещанские» выступления М. Горького и Д.С. Мережковского, он предложил определить содержание понятия, вокруг которого велась полемика. «Очевидно, что “мещанство”, противопоставляемое пролетариату, не может совпадать по всем пунктам с “мещанством”, противопоставляемым русской интеллигенции», – отмечал Д.Н. Овсяннико-Куликовский [16].

Действительно, в начале XX в. представители разных идейных течений вкладывали в понятие «мещанство», казалось бы, противоположные, взаимоисключающие друг друга смыслы. Как отметила Е.Н. Иванецкая, «парадокс заключался в том, что с мещанством воевали все» [6]. Более того, в этой борьбе ключевыми становились одни и те же характеристики – «дух вечной середины», сытость, рабство, пассивность, посредственность, покой и т. д. Принципиальное отличие заключалось в том, кто объявлялся носителем таких ценностей. В частности, В.И. Ленин, разделяя позиции М. Горького по данной проблеме, идеологами мещанства называл Н.А. Бердяева, редакторов «Полярной звезды» и в целом «кадетов» [10].

Таким образом, в начале XX в., как подчеркивает Е.Н. Иванецкая, «совместными усилиями идейных противников было утверждено, что мещанство – это нечто ужасное»; «мещанство – это все, что не “мы” и не “мое” и при этом “сытое” [6]. Однако «парадокс о мещанстве» этим не исчерпывался. Как заключают В.М. Бухараев и Б.С. Аккуратов, «мещанин сам становился носителем антимещанства» [2].

Очевидно, что причиной «парадокса» стала специфическая трактовка термина «мещанство» как особого мировоззрения, в центре которого стоит стремление к обладанию собственностью. Сформировавшееся в таком виде представление о мещанстве оказалось востребованным в советской культуре и идеологии [2; 4; 15]. Но именно такой подход определил утрату значения «антимещанского комплекса» в современном обществе. Как отмечает В.В. Глебкин, сегодня «стремление к обладанию собственностью перестает быть предметом осуждения... Тем самым подтверждается тезис Герцена о мещанстве как последнем слове европейской культуры и опровергаются его надежды на возможность иного пути» [4].

Библиографический список

1. Бердяев Н. Революция и культура // Полярная звезда. СПб., 1905. № 2. С. 146–155.
2. Бухараев В.М., Аккуратов Б.С. От неприятия скопидомства до борьбы с «контрреволюцией быта» // Отечественная история. М., 2002. № 1. С. 159–174.
3. Воеводина А.А. Интерпретация революции 1905–1907 гг. З.Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским // Власть и общество в России: история и проблемы взаимоотношений: материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Смоленск, 24–25 ноября 2005. Смоленск: СмолГУ, 2006. С. 114–117.
4. Глебкин В.В. Мещанство [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russidea.rchgi.spb.ru/ideasinrussia/universalcults/index.php?ELEMENT_ID=3685.
5. Горький М. Заметки о мещанстве // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. М.: Гослитиздат, 1953. С. 341–367.
6. Иваницкая Е.Н. Парадокс о мещанстве: (К проблеме этико-эстетических исканий серебряного века русской литературы) // Время Дягилева: Универсалии серебряного века. III Дягилевские чтения. Пермь, 1993. Вып. 1. С. 52–58.
7. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: в 3 т. М.: Тера; Республика, 1997. Т. 1.
8. Кондаков И.В. К феноменологии «грядущего хамства» // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 150–163.
9. Корецкая И.В. «Грядущий Хам» Д.С. Мережковского: текст и контекст // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 136–149.
10. Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 12. М.: Политиздат, 1979.
11. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.
12. Мережковский Д.С. I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1906.
13. Его же. Грядущий Хам // Полярная звезда. СПб., 1905. № 3.
14. Его же. Мещанство и русская интеллигенция // Полярная звезда. СПб., 1905. № 1.
15. Морозова О. Мещанство и русская революция: судьба одного культурного стереотипа // Ростовская электронная газета № 16 (179), 25.11. 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu; www.woa/wa/Main?textid=2111&level1 =main&level2=articles>

16. Овсяннико-Куликовский Д. Еще о «мещанстве» и русской интеллигенции // Полярная звезда. СПб., 1905. № 3. С. 229–234.
17. Селеменова М.В. Проблема мещанства и ее художественное решение в творчестве Е.И. Замятина: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2003. 208 с.

А.В. Мендюков

Самарский государственный медицинский университет

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В революционный период Русская православная церковь решительно выступила в роли адепта государства и монархии. Этому способствовал ряд причин. Во-первых, слишком зависимое от государства положение в рамках установленной еще Петром синодальной системы. Во-вторых, экономическое благополучие церкви существенно зависело от государства. Церковные причты получали жалованье, пусть и не очень значительное. В-третьих, духовенство по своему мировоззрению относилось к консервативной части общества. Правда, среди учащейся семинаристской молодежи наблюдался активный рост левых и радикальных настроений. «Господствующие классы прилагали все усилия к тому, чтобы охранительное влияние церкви сделать наиболее глубоким. С этой целью церковь была призвана воспитывать подрастающее поколение в духе лозунга “православие, самодержавие, народность”. Обязательное преподавание во всех учебных заведениях закона божия, и церковно-приходские школы обслуживали эту цель и являлись мощным оружием реакции», – писал один советский автор [3, с. 9].

Православная церковь в первую русскую революцию собиралась примирить противоборствующие стороны. Это нашло яркое выражение в послании Св. Синода от 14 января 1905 года, подписанном высшим иерархом церкви – митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием, также митрополитом Московским и Коломенским Владимиром и митрополитом Киевским и Галицким Флавианом. В нем отмечалось: «Св. Синод, скорбя о пагубных настроениях в современной жизни русского народа, именем... Церкви Православной умоляет всех чад ея: Бога бойтесь, Царя чтите и всякой власти, от Бога поставленной, повинуйтесь» [11, с. 3]. Св. Синод обращался и к епархиальным архиереям. Так, на имя самарского епископа Константина пришла телеграмма, подписанная ми-